

отмечалось, что трагедия русской национальной истории, историческая вина России, влекущая неизбежное возмездие, состоит в отказе от твердого выбора между Зверем и Христом [1, с. 82—83].

Русь! На тебя дух мести мечной
Восстал — и первенцев сразил,
И скорой казнию конечной
Тебе, дрожащей, угрозил —

За то, что ты стоишь, немея,
У перепутного креста,
Ни Зверя скиптр поднять не смея,
Ни иго легкое Христа... [5, т. 2. с. 251]

Иными словами, выбор осуществляет не личность, а Россия как действующее лицо мировой истории. Таким образом, если в первом стихотворении цикла мотив возмездия соотносился с античным пониманием Судьбы, с традицией древнегреческой трагедии, то второе, следующее за ним, «Месть мечная» — вводит новые мотивы, и возмездие соотносится теперь с эсхатологической апокалиптикой. Но апокалиптические мотивы в этом цикле достаточно подробно рассматривались [1, с. 83—84], и останавливаться на них излишне. Речь идет и о реминисценции в названии цикла («Година гнева» — «день гнева»), и о мотиве искушения, о теме «Бездны», власти Зверя и т. п. Хотелось бы только указать еще на один существенный момент в понимании проблемы возмездия, как оно видится в этом цикле. Вопрос о возмездии для Вяч. Иванова — это вопрос о национальной судьбе России. Но события современной ему политической жизни почти лишены в цикле какой-либо предметной конкретности: если бы не заглавие «Цусима» и эпиграф из военной репортажа, в тексте стихотворения ни одна деталь не указывала бы на то, какое именно событие, какая катастрофа стала предметом лирического высказывания. В стихотворении «Месть мечная» конкретный адресат скрыт в посвящении, а объект поэтической рефлексии — Русь и ее вневременное самоопределение. Пространство цикла — предельно широкое, даже не историческое, а мифологизированно-историческое, скорее — мистериальное пространство, где и разворачивается трагедия апокалиптического возмездия. Но возможно ли какое-то участие в этой мистерии отдельной человеческой личности?

В статье «Достоевский и роман-трагедия» Вяч. Иванов говорит о вине и возмездии как проблемах нравственной философии. Сопоставляя судьбы Раскольникова и Анны Карениной, Иванов размышляет о возможности спасения для отдельного человека и утверждает, что «не вина спасает и не возмездие само по себе, но отношение к вине и возмездию, обусловленное первоосновами личности» [5, т. 4, с. 431]. Способен ли человек осознать свое отпадение от религиозной первоосновы бытия (по Иванову — от Матери-Земли) как вину, подобно Раскольникову, или это первое единство в нем изначально отсутствовало, как, в интерпретации Иванова, у Анны Карениной, — только здесь, в способности человека сделать нравственный выбор, осознать падение как вину, — залог его спасения или окончательной гибели. Но знаменательно, что эти размышления находят место главным образом в эссеистике Иванова и крайне редко — в поэтическом творчестве.

Обратимся теперь к циклу Блока «Возмездие» (1908—1913). Главное отличие от цикла «Година гнева» бросается в глаза: внимание Блока приковано к судьбе отдельной человеческой личности, к драме земных человеческих взаимоотношений, к психологии. Стихотворения цикла так или иначе варьируют тему *измены* и *забвения* — будь это молодость, первая любовь, мечта. Напомню лишь самое знаменитое: «И я забыл прекрасное лицо», «Так — суждена безрадостность мечтанья — Забывшему Тебя», «Я сегодня не помню, что было вчера», «Забудь о